

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

П. А. Ореховский¹

«ДУХ МЕСТА» И РОЛЬ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЭЛИТЫ В СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ГОРОДОВ²

Постановка проблемы: эмпирические наблюдения и теоретические описания

Почему на протяжении длительного периода времени благосостояние жителей одних городов растёт – и вместе с ним растёт и сам город, а в других городах происходит обратный процесс, и они приходят в упадок? Убедительный ответ в самой общей, математизированной форме был предложен в своё время Дж. Форрестером в его известной книге [1]. Отдельные, более конкретные стороны жизни городов – и, соответственно, рецепты их оздоровления – описывались урбанистами, социологами, экономистами. Однако время от времени эти замечательные программы оздоровления почему-то не срабатывают. Наиболее яркий и известный пример этого рода – упадок Детройта, население которого сократилось более чем вдвое за последние сорок лет.

В данной работе использовался эмпирический материал городов Омска, Барнаула, Обнинска. В начале 90-х годов прошлого века Омск, по-видимому, был наиболее богатым из этих трёх городов. В нём, если использовать терминологию И.М. Маергойза, взаимодействовали три межотраслевых «рубашки» [2]: (1) оборонный (авиационно-космическая, танковая, приборостроительная отрасли), (2) нефтехимический (переработка нефти, синтетический каучук, технический углерод, производство шин, стиральных порошков и т.д.) и (3) аграрный (сельхозмашиностроение, пищевая) комплексы. Омск – столица Омской области; региона, который долгое время по ряду экономических показателей находился примерно на том же уровне, что и республика Татарстан.

Барнаул – краевой центр сельскохозяйственного Алтайского края, который принято относить к «депрессивным регионам». Уровень дотационно-

¹ Ореховский Петр Александрович, д.э.н., проф. ведущий научный сотрудник Института экономики РАН.

² Выполнение данной работы было бы невозможно без ценных советов профессоров О.И. Шкаратана, И.А. Родионовой, В.Н. Холиной, В.Н. Стрелецкого, В.А. Шупера, обсуждений и плодотворных дискуссий на протяжении нескольких лет на кафедрах географии РУДН, региональной экономики АГУ, экономики, финансов и кредита АГТУ, мировой экономики ОмГУ, а также помощи в сборе данных и организации интервью сотрудниками администрации Омска Н.В. Пузиной, В.В. Плаксиной, П.Б. Хейфецом, работником ГУ ЦБ РФ по Алтайскому краю В.В. Мищенко и другими моими коллегами. Всем им я выражаю свою искреннюю признательность.

сти бюджета края колебался за последние двадцать лет в пределах 50-65%, эффективность и сельского хозяйства, и переработки сельскохозяйственной продукции существенно ниже, чем в Омске. Здесь также присутствовали оборонные заводы, но они производили не конечную продукцию, а комплектующие (производство двигателей для омского танкового завода, приборостроение). Уровень применяемой технологии, как и требования к квалификации работников, были здесь ниже. Вдобавок, одной из «рубашек» Барнаула была легкая промышленность (крупнейший в СССР меланжевый комбинат, одна из строек первой пятилетки, хлопчатобумажный комбинат, комбинат химических волокон, овчинно-меховая фабрика). Во время структурной перестройки российской экономики, связанной с радикальными рыночными реформами, комплекс отраслей легкой промышленности оказался в наиболее тяжёлом положении, большинство предприятий быстро разорилось. Соответственно, и по уровню доходов, и по уровню накопленного благосостояния в расчёте на одного жителя в начале 90-х гг. Омск намного превосходил Барнаул.

Обнинск – город, где на начало рассматриваемого периода две трети занятых работали в научно-исследовательских институтах. Уровень благосостояния обнинцев, как, впрочем, и всех советских жителей научных городков, значительно превышал среднероссийский, и был выше, чем в Омске и Барнауле. Это выражалось в «товарной наполненности» (покупательной способности) рубля «научного населения», обеспеченности жильём, детскими садами, состоянии экологии, уровне преступности и так далее, и тому подобное. Однако данное благополучие держалось на советских приоритетах – и на соответствующем этим приоритетам фондировании и бюджетном финансировании. Переход к рынку, заодно с сокращением финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР) должен был привести к стагнации и упадку Обнинска, что, в общем, и произошло со многими такими городками (включая подмосковные Протвино, Черноголовку, Пущино, новосибирский, красноярский и иркутский Академгородки).

Тем не менее, после двадцатилетнего периода эволюции ситуация радикально поменялась. Обнинск, казалось бы, не имевший перспектив развития, значительно увеличил свой «отрыв» по уровню благосостояния от Омска и Барнаула. В свою очередь, уровень жизни в двух последних городах существенно сблизился – Барнаул растёт, Омск стагнирует и теряет население; рыночная цена квадратного метра жилья, сопоставимого по качеству, в Барнауле выше, чем в Омске. Почему это произошло? Если исходить из социально-экономического анализа ситуации, которая имела место двадцать лет назад, Омск должен был бы продолжать расти: достроить метро, запустить новый международный аэропорт – это то, что произошло в сравнимых с ним по численности и структуре экономики городах – Казани или соседнем Новосибирске. Барнаул должен был бы остановиться в росте и начать терять население, Обнинск с большинством «нищих» институтов, казалось бы, должен

был бы «просесть» сильнее всех. Но все эти прогнозы оказались опровергнуты жизнью.

Обобщая различия в траекториях и текущем состоянии различных российских городов, проблему можно сформулировать в форме наивного вопроса, который часто возникает среди населения: «почему в одних местах *всё* есть, а в других – *ничего* нет?» В понятия «всё» и «ничего» субъекты обсуждения включают широкий круг материальных и нематериальных объектов, которые являются важными для их ощущения комфорта.

Корректность подобной постановки вопроса можно подвергнуть сомнению – часть субъектов местной жизни, идентифицирующая себя с судьбой данного места, воспринимает как оскорбление то утверждение, что в их городе ничего нет (или нет многого, воспринимаемого как *социально-значимое*). Однако сравнение уровня жизни в разных местах производится постоянно, причём как на бытовом, так и на научном, многокритериальном уровне. Обязательной частью этого сравнения является вопрос о «богатстве» места – там, где лучше, люди живут богаче (хотя при сравнительно одинаковом уровне дохода решающими становятся иные факторы – экология, криминогенность и т.д.). Стандартным ответом на такой вопрос служит ссылка на богатую ресурсную обеспеченность или наличие административной власти, если одно из сравниваемых мест – *столица*. Собственно, на этом обсуждение заканчивается или переходит в плоскость моральных оценок справедливости действующего административно-территориального и бюджетного устройства и душевных свойств «столичных» и «провинциальных» жителей.

Как показывает пример Омска, Барнаула и Обнинска, да и многих других городов, в длительной перспективе такое «бытовое» объяснение «не работает». Ниже приводятся другие, не «бытовые», но теоретические описания и предлагаемые ими объяснения.

Менеджмент

Органы власти полагают, что они управляют процессом развития регионов и городов. У всех субъектов Российской Федерации и практически у всех крупных городов есть документы под названием «стратегия развития», на их территориях реализуются различные федеральные программы. В указанных документах поставлены цели роста благосостояния, повышения качества жизни, улучшения экологических и социальных условий, приводятся как качественные, так и количественные критерии оценок достижения плановых показателей. Тем не менее, результаты этого «управляемого процесса» у разных городов – принципиально отличаются. Обычно городская жизнь идёт своим чередом, а процесс «стратегирования» – своим. Скажем, в Омске было разработано не менее трёх стратегий развития, ни одна из них не была реализована. В 2013 году была принята новая стратегия развития Омской области, которая обошлась в 30 млн. руб. (исполнители – московская фирма «Стратегика»), в

Алтайском крае такая стратегия была разработана в 2007 году также столичной фирмой «РОЭЛ» (стоимость – 10 млн. руб.). Итоги первых пяти лет реализации стратегии развития Алтайского края показывают, что она опять не будет выполнена. В Обнинске создавались стратегии развития наукограда. Они были выполнены в части освоения выделенных федеральным центром бюджетных средств, но расцвета науки в городе не произошло, сокращение численности ученых продолжается, как и собственно падение самих значимых научных результатов.

Городское управление – часть «жизни города». Оно не является внешним, экзогенным фактором. Несмотря на то, что уже упоминавшиеся рекомендации Дж. Форрестера по оздоровлению города известны многим российским «муниципалам», решения, которые принимаются ими на практике, могут быть полностью противоположными. Собственно, и сам Форрестер указывал на различия между краткосрочными и долгосрочными целями управления, а также на конфликтность предложенных им мероприятий.¹ Поэтому городская администрация поступает в соответствии с тем, что от неё ждёт вышестоящий орган власти, местная и региональная бизнес-элита и, наконец, население.

В рамках логики менеджмента, где субъект управления «по определению» является *внешним* по отношению к объекту управления, постановка вопроса о «духе места», о том, что городское управление – «часть жизни города», неприемлема. Разница в уровне жизни разных городов определяется (и объясняется) разницей в уровне компетентности и мотивированности местных «начальников». В свою очередь, последние, если город живёт плохо, в качестве основной причины этого указывают низкую ресурсную обеспеченность, что снимает с них существенную часть ответственности за происходящее.

Экономическая теория

Экономическая теория рассматривает пространство как *однородное*. При таком подходе разница в комфортности жизни может быть только временной, краткосрочной, связанной с относительно низкой мобильностью перемещения отдельных факторов производства. Низкий уровень доходов должен сочетаться с низкими ценами, высокий – с высокими, так что в целом уровень жизни стремится к некой средней величине. Существенная разница в уровне благосостояния городов, находящихся в границах одной национальной экономики, объясняется здесь с помощью асимметрии информации, спецификой в положении фирм, принадлежащих разным отраслям (высокий уровень спе-

¹ «Какое-либо изменение в сложной системе обычно вызывает краткосрочные реакции, направление которых прямо противоположно долгосрочному эффекту. Последовательность по принципу «хуже, потом лучше» причинит особенно много хлопот администрации и руководству, решающим проблемы оздоровления города... Этот конфликт между краткосрочными и долгосрочными реакциями системы частично объясняет плохое состояние наших городских систем. Городская администрация под давлением избирателей и исходя из политической выгоды стремится быстро и наглядно удовлетворить запросы избирателей. С этой целью она принимает краткосрочные меры, подготавливая этим почву для отдаленных убыточных последствий». [1, с.122-123].

циализации физических активов, характерный для металлургии, «большой» энергетики, химической отрасли и т.д. сопровождается обычно длительными сроками амортизации, рисками, затруднениями в перетоке капитала из отрасли в отрасль, из одного района – в другой). Поэтому структурная перестройка, которая возникает как следствие технологических инноваций (в терминологии С. Глазьева – при переходе к новым технологическим укладам) [3], часто сопровождается упадком одних городов и подъёмом других. Соответственно, в «депрессивных» городах расположены преимущественно фирмы «старых» отраслей, создающие низкий объём добавленной стоимости, а в зонах благополучия – предприятия с новыми технологиями и работниками, располагающими большим человеческим капиталом. Разница в благосостоянии городов – естественное следствие развития.

При экономическом взгляде у мест не только нет «духа», но по большому счёту у них нет и принципиальных различий между собой (пожалуй, кроме размера, который предопределяет объём локального рынка, а заодно и степень внешней экономии). К городу здесь применяется метафора «экономической точки», «промышленного узла». В рамках такого анализа трудно объяснить изменения в положении Омска, Барнаула, Обнинска без некоторых «натяжек» (например, если считать калужский Обнинск частью локального рынка Москвы, то такой локальный рынок имеет, конечно, значительное преимущество перед, если использовать термин В. Кристаллера, рынками «центральных мест» Омской области и Алтайского края). Аналогично – рост Барнаула можно объяснить относительно большим аграрным перенаселением на Алтае по сравнению с Омской областью, где переезд сельского населения в мегаполис не покрывает выбытия населения, уезжающего в Москву, Новосибирск, Екатеринбург и другие российские мегаполисы с более высоким уровнем благосостояния. Правда, при этом вопрос, почему алтайские сельские мигранты едут в Барнаул, а не в Омск – в последнем жильё дешевле, цены на потребительские продукты ниже, а зарплата – выше, остаётся открытым.

География

Если в экономике пространство – однородное, то в географии – разнородное, и все места принципиально различны. Понятие «дух места» здесь широко используется, причём оно применяется прежде всего к ландшафтам, где нет людей (дух моря, гор, тайги). «Дух места – это материальные и нематериальные элементы, которые наделяют данное место значением, ценностью и эмоциями» – это распространённое официальное определение Международного Комитета по памятникам и историческим местам (ИКОМОС), и оно, конечно, является географическим. Особенностью такого описания является то, что судьба города предопределяется его уникальным местоположением.

В рамках такого направления, как культурная география, различия в благосостоянии городов и траекториях их развития будут интерпретироваться

как результат взаимодействия уникального местоположения и разнообразных культурных влияний. Например, как показывает В. Каганский, структура пространства страны может быть несколько искусственно разделена на «столицу», «провинцию», «периферию» и «границу» [4, 5], а тем самым всегда задана определённая социально-экономическая иерархия мест. Комфортность или дискомфортность жизни в городе (регионе) при таком подходе определяется внешними факторами местоположения или прошлой культурной траекторией. Влияние последних можно смягчить или усилить с помощью управления. Это возвращает проблему в рамки «управленческой логики», заодно, по сути, снимая её. Самый компетентный управленец может изменить ситуацию только в определённых границах, предопределённых рамками культуры и местоположения.

Подводя итоги этому краткому схематичному обзору, можно констатировать, что различные траектории развития городов не фиксируются в рассмотренных подходах как *проблема*. Наличие неравенства и иерархии мест – естественные свойства задач, которые решаются в менеджменте и географии. Однородность пространства и действующих в нём агентов – посылки экономической теории, которые вроде бы противоречат реальности. Однако, учитывая текущие различия в ресурсной обеспеченности, в местоположении и уровне применяемых технологий, разность траекторий развития городов является правилом, через которое реализуется динамическое равновесие. Соответственно, никакой необходимости в гипотезе существования «духа места» в этих дисциплинах нет, хотя стоит оговориться, что понятие «культурного пространства», которое используется в культурной географии, также включает в себя анализ нематериальных факторов социально-экономического развития, и может рассматриваться как своеобразный научный эквивалент «духа места».

«Дух» и «судьба» города. Миф как инструмент социологического анализа

С точки зрения социологии, как и в институциональном анализе, жители разных городов, регионов, стран различаются между собой в первую очередь *способами*¹ выстраивания социально-экономических отношений друг с другом. Эти способы соответствуют представлениям об эталонах достойного поведения в данном месте. «У нас – *вот так*. Хочешь по-другому – езжай в N, там у них *всё не так*». Соответственно, и «дух места» в контексте настоящей работы представляет собой, с одной стороны, продукт социальной коммуникации местных жителей, а с другой – является уже чем-то внешним по отношению к ним, до определённой степени влияя на формы их социальных связей. Такие коммуникации, естественно, не являются чем-то вечным, застывшим, они постепенно меняются. Люди, осознанно или нет, но утверждают свои ценности, постоянно делая или подтверждая свой выбор. Тем самым происходит выбор «судь-

¹ При этом *предметы* (материальные или нематериальные), вокруг которых строятся такие отношения – одни и те же. Эта посылка и лежит в основе социологического функционального анализа.

бы места», который, в сущности, является *экзистенциальным* – жители придают *смысл существования* городу. Если этот смысл теряется, город может (1) потерять население, (2) стать придатком другого города, сузив свои функции, потеряв возможность выбора. У таких специфических поселений, как военные городки, «зоны» для содержания заключённых, коттеджные посёлки, выполняющие исключительно рекреационную функцию, и т.п. – нет *выбора*, а потому и нет *судьбы*¹. Поэтому вопросы о «том, что есть», или «том, чего нет», представляют особый смысл в рамках описания судьбы города.

Очевидно, социальные коммуникации – предмет исследования социологии; а понятия «духа» и «судьбы» в данном контексте относятся к сфере социальной психологии. Поэтому способ описания становится преимущественно социально-психологическим, с привлечением возможностей других наук (включая политологию как науку о распределении власти в обществе; далее мы широко используем категорию «элиты»).

Дух города целесообразно характеризовать как систему местных мифов. Миф – априорная идеологическая конструкция, объясняющая реальность и определяющая логику действия субъекта с мифологизированным сознанием. В отличие от теории, которая может быть верифицирована или фальсифицирована, миф не поддаётся такой «проверке», точнее, её *отрицательные результаты также интерпретируются субъектами в рамках логики мифа*. Таким образом, миф – это культурный феномен, позволяющий характеризовать разные способы жизни общества. Примерами таких претендующих на научное обобщение мифов могут выступать типы самих культур у О. Шпенглера и Н. Данилевского.

Миф разрушается – или замещается другими мифами, когда субъекты отказываются от прежних норм поведения – будь-то в силу усталости от ритуалов, которые требуют слишком большого напряжения сил, или потому, что эти нормы начинают казаться им глупыми, нелепыми или отталкивающими. Город выступает как некая территориальная целостность, подобная богу, о котором в местном сознании укореняются мифы. Он может быть добрым или злым, богатым или бедным, мягким или жёстким и т.д. Эти обобщающие характеристики – свойство и результат социальных коммуникаций.

Плодотворность привлечения архаики для объяснения механизмов социально-экономического развития города связана с социологическим феноменом, известным как «теорема Томаса»: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны в своих последствиях» [6, с.605]. Миф о городе, в который верят люди, делает ситуацию реальной; миф становится своеобразным «самосбывающимся пророчеством». Это придаёт мифу *стабильность*, что

¹ Это – одно из важных различий между «духом места» и «культурным пространством». Гипотеза о том, что город представляет собой коллективную сущность, имеющую свой «дух», «идею», «смысл», является *архаикой, донаучным* представлением. Как и демонстрируется дальше, такую коллективную сущность логично описывать с помощью *мифа*.

Культурное пространство, формируемое как результат взаимодействий индивидуальных ценностей – *научное* представление. Так, например, свойства такого пространства, фиксируемые исследователем, могут быть *верифицированы* путём социологических опросов.

сказывается на свойствах социальных коммуникаций. Отсюда и долгосрочный горизонт в 20 лет – для того, чтобы отношение к ситуации поменялось, требуется другое поколение, которое – так или иначе – вступает в социальную жизнь уже с другими эстетическими (культурными) предпочтениями.

Свойства мифа, который воспринимается как реальность, закрепляются на уровне социальных практик. Это может приводить к неожиданным последствиям для «конкурентоспособности территорий», как показывает М. Портер [7]. Представление о себе как о ценителях – и производителях пива, вина, сыра, новых микроэлектронных компонентов и программного обеспечения (Силиконовая долина), изделий из кожи и т.д. формирует уникальные местные институты. Эти институты не вечны, как указывает Портер, они постепенно разрушаются, однако они имеют достаточно большой срок жизни.

Естественно, как и в древнегреческом фольклоре, «большой миф» о городе состоит из множества «малых мифов». Те или иные «апокрифы» создаются и разрушаются постоянно. Тем не менее, если попытаться свести совокупность легенд о городе к некоему инструментальному минимуму, то, на наш взгляд, необходимо выделять как минимум три «главных мифа»: географический, исторический и экономический.

Географический миф. Сам по себе город представляет собой антропогенный ландшафт – здания, дороги, уличное освещение и т.д. В этом отношении все города имеют между собой гораздо больше общего, чем, скажем, тайга, степь или море. Большинство горожан проводят основную часть суток внутри помещений или транспорта, а не на открытом воздухе. Однако любой город «привязывается» жителями к природному, а не к антропогенному ландшафту.

Свойствами такой географической привязки являются макрорегион и климат. Например, сибирские города ассоциируются с тайгой и морозами вне зависимости от того, что они могут в реальности располагаться в степи, а ощущение холода (суровости климата) в них может существенно уступать Петербургу или Архангельску.

Географический миф, несмотря на свою внешнюю нейтральность по отношению к городскому социуму, также преломляется в набор социальных стереотипов, как и другие мифы, составляющие дух места. Если принять среднюю полосу России за некую социальную норму, то суровый сибирский климат ассоциируется с крепким «сибирским здоровьем», как физическим, так и душевным (хотя продолжительность жизни в большинстве районов Сибири ниже, чем в Центре России, а уровень суицидов в Алтайском крае – один из самых высоких в стране). Русский север, побережья Белого и Балтийского морей вызывают ассоциации со сдержанностью, выносливостью, в то время как Юг и Причерноморье, напротив, связаны с представлениями о мягком, но вспыльчивом характере.

Любой миф имеет свои внутренние противоречия: то, что является позитивной характеристикой места, одновременно может рассматриваться и с

негативной стороны. Крепкое сибирское здоровье неразрывно связано с удалённостью от Центра, «тяжёлыми» природно-климатическими условиями. Последнее выступает скорее как негативная характеристика места, хотя может связываться и с «романтикой», естественностью, которая противопоставляется «столичной испорченности».

Исторический миф. Ещё одной составляющей духа места является его история, которая не имеет практически никакой связи ни с краеведением, ни с *недавним прошлым*. Это особенно важно, так как история последних 10-20 лет имеет живых свидетелей, которые могут возражать против тех или иных интерпретаций вчерашних событий. Мифическая история существует во многом как набор устных апокрифов и анекдотов, она, как правило, не является *написанной, зафиксированной*, если не считать отдельных фиксаций, связанных с видами городского фольклора.

Символические исторические фигуры или – в случае отсутствия таких фигур-фамилий в местной памяти – исторические события «отвечают» за другую часть социальной психологии. Барнаул – город купеческий, Екатеринбург – рабочий, Томск – «сибирские Афины», и т.д.

В историческом мифе заодно преломляются события «большой» российской истории, начиная с русско-татарского противостояния и заканчивая историей СССР. Само существование того или иного города может увязываться с такими событиями. Однако последние происходили в рамках тех или иных крупных национальных проектов. Несмотря на то, что продолжительность последних может насчитывать один-два века, а возможно, и более, сам термин предполагает наличие временных ограничений. По тем или иным причинам проекты заканчиваются, а заодно постепенно утрачивается и смысл событий, которые ранее привели к возникновению тех или иных мест. Такая утрата может приводить к разрушению исторического мифа места, а заодно и к упадку. Если такой миф не замещается другим историческим мифом, то город начинает постепенно терять население. Для бывших столиц остаётся шанс, что они продолжают своё существование в качестве культурно-исторических памятников (Суздаль, Ростов Великий и т.п.), однако места, которые возникали как центры определённых технологий, добычи – переработки полезных ресурсов, или как локальные центры обмена, могут исчезнуть полностью. Географические условия ведения хозяйства, при этом, могут практически не измениться (если не считать вариант исчерпания источников сырья).

Экономический миф. Этот миф связан с общим благосостоянием города. Представление жителей о богатстве и бедности весьма слабо коррелирует со статистическими данными, и гораздо сильнее зависит от внешнего облика города (чистый – грязный), что связано, в первую очередь, с работой коммунальных служб и управления архитектуры. В свою очередь, эффективность работы последних отчасти зависит от состояния городского бюджета, но все эти связи – косвенные, не прямые.

В советское время экономический миф накладывался на практику «снабжения», отражавшую действовавшее тогда деление населённых пунктов на категории, в соответствии с которыми осуществлялось товарное наполнение государственных магазинов. Наряду с возможностями получения жилья, это непосредственно влияло на оценку города как «богатого» или «бедного» независимо от размера оплаты труда, который варьировал вокруг некоторых средних показателей в десятки процентов, но не в разы. И хотя «снабжение» дополнялось работой колхозных рынков и «барахолки» – вещевых рынков, а рядом с государственным жильём была индивидуальная (частная) застройка, велось кооперативное строительство, образ «богатого» города связывался именно с работой государственных торговли, сферы услуг, транспорта, строительства. Это естественно следовало из общего советского представления о «будущем социализма».

Экономический миф является наиболее подвижным: представление о городе, как о богатом и благоустроенном («чистом») может смениться представлением о том, что город стал бедным и грязным в течение 5-10 лет. При этом быстро меняются стереотипы поведения населения – в бедном городе намного реже возникают протесты против плохой экологии, точечной застройки, уродливой рекламы и т.п. по сравнению с богатым городом (повторимся, что доходы жителей «богатого» и «бедного» городов могут быть одинаковы).

Миф бедного города означает, кроме сниженных требований населения к благоустройству, ещё и ограниченный, суженный выбор возможностей¹. Это обстоятельство воспринимается по-разному отдельными группами населения. Например, Омск достаточно богат, чтобы содержать профессиональную хоккейную команду, но слишком беден для того, чтобы иметь регулярно выходящие литературные журналы, джаз- или рок-клубы или «большую» науку (число научных организаций «богатой» Омской области почти совпадает с такими же показателями «бедного» Алтайского края и несопоставимо с Томском и Новосибирском). В результате происходит постепенная трансформация социальной базы – из города уезжают люди с относительно высоким образовательным уровнем, культурными и социальными запросами (с их точки зрения Омск – «беден»), приезжают люди с относительно низкими социальными требованиями. Запускается механизм самосбывающегося пророчества: уверенность элиты в том, что город беден, постепенно делает его таковым.

¹ Как показал А. Сен, благосостояние представляет собой расширение спектра потребностей и возможностей для их удовлетворения: «Поскольку доход не является самоцелью, любое представление о бедности, основанное на доходе, должно прямо или косвенно ссылаться на те базовые потребности, средством удовлетворения которых он является... Как только мы признаем, что соотношение между доходом и возможностями варьируется между различными сообществами и между людьми в одном и том же сообществе, минимально приемлемый уровень дохода для достижения одного и того же минимально приемлемого уровня возможностей становится переменной величиной – в зависимости от личностных и социальных характеристик». [8, с.542].

*Элитарное сознание города – роль «локалистов» и «космополитов».**Чувство малой родины*

Р. Мертон выделяет две группы местной элиты – локалисты и космополиты [6, с.562-604]. Разница между ними заключается, в первую очередь, в пропорции между количеством связей, которые замыкаются внутри города (локуса) и количеством связей, которые находятся за пределами данного города. Как показали опросы, количество местных знакомых у локалистов в разы (а то и в порядке) больше, чем у космополитов; напротив, количество знакомых, с которыми в той или иной форме поддерживаются отношения за пределами города, у космополитов в разы больше, чем у локалистов. Отличается и отношение этих двух групп к переезду (отъезду из города). Космополиты значительно чаще, чем локалисты, рассматривают такую возможность, и более «легки на подъём». Такое различие предопределило разное восприятие материалов, размещаемых в общенациональных СМИ (собственно, Мертоном и его исследователями изучалась проблема эффективности военной агитации). Если локалисты воспринимают новости через призму вопроса о том, как рассматриваемое событие скажется на жизни их города, то космополиты непосредственно включены в общенациональные коммуникации.

И космополиты, и локалисты являются членами самых разных социальных групп, выделяемых в соответствии с функциональной структурой социума (священники, полицейские, судьи, бизнесмены, и т.д.), то есть сам признак не связан непосредственно с профессиональной ролью личности в местном сообществе. Можно допустить, что среди отдельных профессиональных корпораций, таких, например, как «учёные», доминируют космополиты, но такая связь профессии с типом элитарного сознания скорее исключение, чем правило.

Носителями «духа места» являются, в первую очередь, локалисты. Их репутационный капитал (часть символического капитала по П. Бурдьё [9, с.55-59]) формируется в данном месте и привязан к нему, при переезде большая часть этого капитала теряется. Любопытна их реакция на утверждение, выносимое на обсуждение, что их город – бедный. Эта реакция всегда отрицательна, но в ней, по нашим наблюдениям, выделяется два типа:

- в городе высока степень социальной дифференциации, поэтому *кажется*, что он – беден. Здесь присутствует высокий удельный вес теневой экономики, поэтому на самом деле он – богат;
- бедность и богатство – понятия относительные. Богатство городов связано с их ресурсной обеспеченностью, внешними факторами.

Оба типа реакции являются своеобразной сублимацией: локалисты не готовы принять и признать то обстоятельство, что особенности социальных коммуникаций, связей, на которых основан их репутационный капитал, являются одновременно причиной бедности города. Но если в первом варианте

реакции ещё допускаются определённые возможности для социальных изменений в рамках мифа, то во втором таких возможностей уже нет.

Для космополитов характерно рациональное отношение к городу – это место, предоставляющее ресурсы и возможности для реализации их профессиональных, карьерных, культурных и материальных потребностей. Как указывает Мертон, эти две группы необходимы друг другу: космополиты знают, *что* делать, а локалисты – *как* это делать в данном месте в данное время. Если космополит обнаруживает, что дальнейших возможностей для его социального роста в данном городе нет, он не пытается воспринять знания локалистов – и тем самым измениться, он начинает искать другой подходящий ему город.

Космополиты являются основным субъектом сетевых структур современного сетевого общества, как показывает М. Кастельс [10]. Именно они определяют интенсивность «инфраструктурных взаимодействий в узлах сети», выделяемой С. Сассен [11, с. 9-27]. Наличие большой доли космополитов необходимо для развития города, как субъекта межгородских (межрегиональных, международных) обменов и торговли. Если выстраивается их гармоничное взаимодействие с локалистами, то город начинает привлекать инвестиции, технологии, людей и становится успешным субъектом конкуренции (возникает положительная, усиливающаяся обратная связь, своеобразный круг роста благосостояния по М. Портеру). Напротив, нарушение подвижного, достаточно устойчивого равновесия между локалистами и космополитами может приводить и к формированию порочного круга отрицательной обратной связи – усиливающих друг друга зависимостей, ведущих к упадку города:

- отъезд космополитов из города и усиление локалистов в местных элитах приводит к постепенному «выключению» города из ряда важных социальных «неденежных» коммуникаций (научных, культурных, политических). Заодно усиливается недоверие и нежелание включать в местные коммуникации «чужаков». Это приводит к накоплению негативных результатов сначала в рамках экономического, а потом и исторического мифа;

- важным элементом негативной динамики является переезд наиболее активной части локальной элиты «в столицу». Именно эта часть, плохо включаясь в коммуникации «другого места», использует свой прежний социальный капитал для того, чтобы эксплуатировать свою «малую родину» в режиме колонии;

- наконец, существенное доминирование космополитов в городе разрушает прежние мифы, а заодно и делает местные коммуникации хрупкими, неустойчивыми. В данном месте начинают реализовываться архитектурные и бизнес-проекты, которые не имеют никакого отношения к предыдущей культурной традиции. Город быстро растёт, но этот рост закладывает трудно устранимые диспропорции и конфликты, которые в долгосрочном периоде приводят к стагнации и упадку.

Самоидентификация социального субъекта с тем или иным городом, связанная с сохранением прежних традиций – *чувство малой родины*. Взятое в широком смысле, такое чувство присутствует и у космополитов, и у локалистов, интерпретация «духа места» как мифа, «местного бога» может рассматриваться также и как «образ родины». При этом в элитарном сознании всегда присутствует определённая амбивалентность, которую иллюстрируют распространённые российские сентенции: (1) «где родился, там и пригодился», (2) «где хорошо – там и родина». Необходимо специально оговориться, что рассматриваемая нами самоидентификация – это именно уровень «места», города; в отношении региона или страны, по-видимому, действуют другие механизмы. На более высоких уровнях, очевидно, архаика мифа уже становится мало применимой.

В свою очередь, один из необходимых признаков элитарного сознания – осознание субъектом собственного «я», собственных интересов и стремлений, и отделение этого «я» от другого субъекта – «родины». Только в случае такого разделения возможно признание объективных интересов «родины», расхождение или совпадение этих интересов с интересами субъекта. Для локалиста такое отделение затруднено в силу объективных причин. В этом случае, как правило, происходит не отождествление (адаптация) своих интересов с интересами родины, но наоборот, отождествление интересов родины с интересами субъекта. Родина здесь – *пассивный объект*, географическое место рождения или постоянного проживания, у такой родины нет (и не может быть) собственных интересов, «отдельных» от местного населения. Напротив, сам локалист – активный субъект, у которого такие интересы имеются в изобилии. Поэтому реализация собственных целей у локалиста получает дополнительную «патриотическую санкцию».

Социально-психологическая проблема космополита – иного рода. При рациональном выборе места жительства он пытается сопоставить те выгоды и затраты, с которыми сопряжено решение о переезде или о том, чтобы оставаться на месте. Такой выбор приводит к неизбежному переносу по крайней мере части горечи переживания неудач, связанных с профессиональной деятельностью или личной жизнью, на город, где всё это происходит (происходило). Напротив, достижение успехов космополит в первую очередь связывает с выдающимися качествами собственной личности, и сравнительно мало – с местом, где ему повезло.

Инструментальные интерпретации: Омск, Барнаул, Обнинск

Необходимо оговориться, что количественных замеров – опросов местных элит для определения изменений в пропорциях между локалистами и космополитами, а также выявления долей элиты, реагирующих на наиболее важные индикаторы географических, исторических и экономических местных мифов нами не предпринималось. Это связано с ограниченностью личных ресурсов и большой затратностью такой работы. Тем не менее сравнительно

систематические наблюдения за эволюцией трёх указанных городов велись на протяжении последних двух десятков лет.¹ Таким образом, предлагаемые результаты носят предварительный, гипотетический характер.

Омск. Город представляет собой сравнительно редкий вариант региональной столицы, теряющей население. Естественно предположить, что среди местных элит доминируют локалисты, не признающие постепенной деградации города (и региона). Такая гипотеза внешне подтверждается любопытным кругооборотом элиты: местные деятели переезжают на работу в Москву, сохраняя свои бизнесы в Омске; на их место долгое время (при губернаторстве Л.К. Полежаева) прибывали выходцы из Северного Казахстана. Исключение представляют собой некоторые хоккеисты местной команды «Авангард», периодически возвращающиеся играть на родину. Известный эксцентричный юрист А.И. Казанник также представляет собой другое редкое исключение.

Результаты экономической деятельности местной элиты можно оценить отрицательно – ни в городе, ни в области не построено новых крупных предприятий, которые хоть в какой-то степени могли бы заменить выбывший промышленный потенциал. Произошёл резкий сдвиг занятости в сферу сервиса и торговли. Показательно, что в Омске самая низкая цена 1 кв. м жилья среди городов – региональных столиц Западной Сибири при относительно высокой средней зарплате (последняя считается Росстатом по крупным и средним предприятиям) и низкой официальной занятости. Естественно, что такая негативная оценка экономических результатов элитой официально не признается. В городе продолжают строить метро (строительство идёт 20 лет), Омск готовится отметить своё 300-летие.

Местный *географический* миф – сибирский город, удалённый «от всего», без ресурсов (под которыми прежде всего понимаются природные ископаемые), с холодным климатом. Высокие транспортные издержки и холодный климат делают Омск «проклятым местом». Это дополняется специфическими историческими персонажами, которых омичи считают своими символами, организующими центр *исторического мифа*, – атаман Ермак, писатель Ф.М. Достоевский (в центре города ему поставлено два памятника недалеко друг от друга, кроме того, он же изображён на «омском шаре», который символизирует историю города), адмирал А.В. Колчак. Ермак погиб задолго до начала строительства Омска, Колчак устраивал в Омске показательные порки, что же до великого писателя, то самой популярной цитатой у омичей является: «Омск гадкий городишка. Деревьев почти нет. Летом зной и ветер с песком, зимой буран. Природы я не видел. Городишка грязный, военный и развратный в высшей степени.

¹ Часть этих наблюдений отражена в следующих публикациях: Омск глазами инженера: история о контроле качества [12]; Анализ долгосрочных тенденций социально-экономического развития города Омска. Отчет Информационно-аналитического управления Администрации города Омска [13]; Устройство провинциальной литературы: взгляд изнутри. (Интервью с омским писателем А.Э. Лейфером) [14]; Бюджетное выравнивание и социально-экономическое развитие муниципалитетов Алтайского края [15]; Наукограды – города будущего или гетто для избранных? [16].

Я говорю про чёрный народ. Если б не нашёл здесь людей, я бы погиб совершенно» [17]. Наконец, *экономический миф* идеализирует советское прошлое, когда город имел «прекрасное снабжение». Омск был частью советского ВПК – это давало ему смысл существования. Первому секретарю омского обкома С.И. Манякину приписывается фраза, исчерпывающим образом характеризующая этот смысл: «Для Омска главное – танки и мясо». В настоящее время этот смысл почти полностью утрачен, основной вклад в валовый региональный продукт вносит Омский нефтеперерабатывающий завод (ОНПЗ), вошедший в состав «Газпромнефти», компании, которая зарегистрирована в Санкт-Петербурге (и уплачивает налоги по месту регистрации). Все составляющие «духа места» играют здесь ярко выраженную негативную роль.

Собственно, Омск функционирует именно в режиме колонии (периферии, по В. Каганскому). Большинство владельцев крупных предприятий Омска – бывшие омичи, перебравшиеся в Москву и за рубеж. На последние выборы мэра города пришло около 17% избирателей. Характерно, что по сравнению с советским временем количество зелёных насаждений в расчёте на 1 жителя сократилось почти вдвое, город стал «грязным» (такая характеристика для обывателя во многом является синонимом бедности). Несмотря на наличие множества сильных сторон (ёмкий локальный рынок, наличие квалифицированного инженерного состава, достаточно сильных вузов и т.д.), город стагнирует и постепенно приходит в упадок, хотя ещё 15-20 лет назад конкурировал с Новосибирском за звание «столицы» Западной Сибири. Характерно, что ещё в 90-е годы в Омске покупали и строили себе квартиры работники, занятые на предприятиях тюменского Севера. Исторически многие города, начиная с Ноябрьска, нефтегазодобывающее предприятие которого вместе с Омским НПЗ составило ядро «Сибнефти», имели тесные связи с Омском. В нулевые годы поток этих мигрантов переключился на Екатеринбург (отчасти этому способствовало включение Тюменской области в состав Уральского федерального округа).

Барнаул. Барнаул, в отличие от Омска, продолжает расти, что связано с большим потоком замещающей миграции из сельских поселений Алтайского края. Хотя с точки зрения экономических показателей разница между этими городами и регионами невелика (если элиминировать показатели ОНПЗ, на котором сейчас занято только 3,5 тыс. человек, то их ВРП сравняются), с точки зрения социальной психологии они сильно отличаются. Элиты Барнаула и Алтайского края исторически, с начала 90-х гг. позиционируют свой город (и регион) как *бедный*, в отличие от Омска, который позиционирует себя как *богатый*. Речь идёт, естественно, об официальном позиционировании городов и регионов с помощью СМИ.

Барнаул – столица аграрного региона, «крестьянский» город, «большая деревня». Такое представление, конечно, также связано с историческим мифом (на самом деле за Уралом только два города закладывались не как крепости-

остроги – и это именно Барнаул (1730) и Змеиногорск (1736); оба эти города находятся на Алтае, оба обязаны своим появлением развитию горнорудной промышленности, прежде всего, меде- и сереброплавильной). Хотя в местных элитах в целом продолжают доминировать локалисты, последние два губернатора Алтайского края – очевидные космополиты, вернувшиеся на малую родину из Москвы. В крае реализуется и несколько крупных инвестиционных проектов, связанных опять-таки с космополитами (курорт и горнолыжная база Белокуриха, игорная зона, производство биологически активных добавок (БАД) – фирма «Эвалар» в Бийске, и т.д.). Тем не менее при просьбе о сравнении Барнаула и Алтайского края с Омском и областью отвечавшими на этот вопрос местными жителями обычно делался вывод о преимуществах Омска над Барнаулом. Ситуация в целом оценивалась как бесперспективная. При этом данный вывод увязывался с оценкой будущих возможностей развития сельского хозяйства Алтайского края, что само по себе не совсем обычно для городской и региональной элиты.

Составные части барнаульского мифа противоречивы, однако в целом они скорее позитивны, особенно по сравнению с омским. *Географически* Барнаул – город в удобном месте, он находится близко к Горному Алтаю, сибирским столицам (Новосибирску, Омску), крупным городам Казахстана (Усть-Каменогорску, Павлодару). Сам Барнаул – не «столица»¹. *Исторические* символические фигуры – купцы и промышленники Демидовы, изобретатель паровой машины И.И. Ползунов, писатель и кинорежиссёр В.М. Шукшин. Необходимо отметить, что характер связей этих персонажей с Барнаулом (и Алтайским краем) принципиально иной, чем у символов Омска. *Экономически* Барнаул – город сытый, но бедный (так как крестьяне бедны), «хулиганский» и «воровской» (Омск – «милицейский»). Бедность – относительная, так как «высок удельный вес теневой экономики» (по оценкам Росстата, в Омске этот показатель существенно выше; с другой стороны, в Алтайском крае на 1 000 человек приходилось 217,8 легковых автомобилей (28 место в РФ), а в Омской области – только 191,1 (49 место)). В результате в Барнауле и крае – высокая социальная дифференциация и конфликтность (в Алтайском крае за 20 лет сменилось 4 губернатора, в Омске – 1, в результате конфликта мэра Барнаула и губернатора теперь здесь действует система «городского управляющего»).

На Барнаул и его элиты, безусловно, влияет специфика расселения в Алтайском крае. Если в Омской области население Омска составляет больше 1 млн., следующий по численности за ним город Тара – 27 тыс., то в Алтайском крае Барнаул – 620 тыс., Бийск – 210 тыс., Рубцовск – 150 тыс. населения. В результате в краевом центре большая часть элиты является выходцами из райцентров и других городов, не из Барнаула; при этом многие сохраняют тесную

¹ Это особенно ярко проявляется при сравнении ответов омичей и барнаульцев. Для омичей «далеко» означает – далеко от Москвы, от портов, от рынков *западных стран*. Барнаульцы не рассматривают себя в таком масштабе (естественно, и в том, и в другом случае речь идёт о представителях элиты).

связь «с корнями». Если допустить оксюморон, то многие из барнаульской и региональной элиты – это «деревенские космополиты», чем объясняется невозможность ими оценки перспектив Барнаула в отрыве от общих перспектив Алтайского края. В результате – уже упоминавшаяся противоречивость мифа – прекрасная природа, здоровый климат, наличие богатых рекреационных ресурсов, золотое дореволюционное (но не советское!) время, когда край развивался гармонично и быстро – тогда увеличивались поставки сельхозпродукции в Центр России и на экспорт, велось строительство перерабатывающих предприятий, шёл быстрый рост населения. Это соседствует с полностью негативной оценкой сегодняшнего экономического положения – крах местной промышленности, «всё скупили москвичи», «денег не вкладывают», и т.д.

В 90-е годы в Барнауле практически останавливалось строительство. После 1998 г. возобновился рост города с одновременным большим объёмом сноса «деревянного», ветхого жилого фонда. Этот рост продолжается и в настоящее время. Реконструирована и часть старых заводов (большинство из них закрылось, в помещениях некоторых из них разместились рынки и гипермаркеты, в частности, на хлопчатобумажном комбинате, заводе по производству геофизической аппаратуры). Однако Барнаул значительно уступает Омску и в качестве человеческого капитала, и в наличии свободных производственных площадей, и в энергетической и инженерной обеспеченности, и в объёме резервных земель под промышленную и гражданскую застройку. Удивительно – и необъяснимо экономическими факторами, что уровень благосостояния этих столь разных городов постепенно сближается (хотя официальная зарплата в Омске на треть выше, чем в Барнауле). Во многом это сближение, по нашему мнению, объясняется позитивным влиянием «барнаульского мифа».

Обнинск. Обнинск – город, переживающий в последние двадцать лет резкую трансформацию своей градообразующей, а вместе с ней и социальной базы. Несмотря на то, что в 2000 г. город получил статус наукограда (первого в России), в это же время началось активное строительство промышленных предприятий. В результате только в Обнинске и его округе (15-20 км) было построено более десятка новых крупных промышленных предприятий (заводы Самсунг и Нестле, Гранд Лайн, Венталл-Руукки, Крафтвэй, Хантсман, Агригаз-полимер, Ворсинский электрометаллургический завод, кондитерская фабрика Лотте, производство лекарственных средств Хемофарм, и т.д., и т.п.). Обнинцы занимают на этих предприятиях высокооплачиваемые статусные места менеджеров, начальников и т.д., на рабочих местах, связанных с физическим трудом, трудятся в основном гастарбайтеры. Подобная ситуация – и в областном центре, Калуге. В целом область, которая позиционировала себя как бедная (аналогично Алтайскому краю), показывает одни из самых высоких темпов прироста производства промышленной продукции в РФ и перешла из круга реципиентов финансовой помощи в круг финансовых доноров.

Вместе с тем прежний исторический миф, связанный с Обнинском как научным центром и *интеллигентным* городом, постепенно разрушается. Город становится *торгово-промышленным, богатым*, но при этом, как ни странно, *грязным*. Принципиальной чертой Обнинска является доминирование космополитов и их внешних связей, что, вообще говоря, необходимо для успешного развития предпринимательства. Однако разрушение старого исторического мифа (утверждение, что Обнинск – город науки, вызывает у большой части элиты либо скрытый сарказм, либо открытое раздражение) со временем может привести не столько к замещению, сколько к исчезновению «духа места» – Обнинск может стать одним из многочисленных городов-спутников, представляющих промышленно-торговые зоны и спальни Москвы. *Географически* он уже сейчас идентифицируется с Подмосковьем, несмотря на то, что административно это – Калужская область. Символические *исторические* фигуры – И.В. Курчатов, адмирал (и создатель учебного центра подводников, практически закрытого к настоящему времени) Л.Г. Осипенко, А.И. Лейпунский, последний президент АН СССР Г.И. Марчук. Из официально «неназываемых», но причастных к созданию города – Л.П. Берия. Все эти символы относятся к прошлому наукограда, ничего хоть как-то сопоставимого в современной истории города уже нет. *Экономически* Обнинск был в советское время городом «с хорошим снабжением», сейчас это – «богатый» город. Соответственно, если раньше основой экономики было производство НИОКР, то теперь – «предпринимательство».

Спецификой НИОКР, как уже отмечалось, является необходимость широких «внешних» связей. Это производство ориентировано не на локальный, а на национальный и мировой рынок. При этом опыт отношений научной элиты советского Обнинска с выходцами из окрестных сел и городков Калужской области, занятых на стройках, в сфере обслуживания, местной промышленности, во многом совпадает с описанным В. Каганским отношением физиков Арзамаса-16 (ныне Сарова) к своим соседям.¹ И в Обнинске, и в Арзамасе-16 доминировало отношение научной элиты к местным жителям как к людям «второго сорта». Нынешняя трансформация города, при котором бизнес-элита переселяется в коттеджные посёлки и небольшие, огороженные и охраняемые кварталы внутри города, а на новых производствах и стройках широко приме-

¹ «Город имеет свою систему статусов. Население отчетливо разбивается на два подмножества, рода, класса, касты — «туземцев» и «физиков» (названия мои, самоназваний нет). «Туземцы» действительно частично состоят из местного мордовского населения, по мере надобности завозят дополнительно. Эти люди работают в обеспечении Города, торговле, строительстве, образовании, милиции. Их потомки могут проникать в физики.

«Физики» — высококвалифицированные специалисты разных профессий, работающие на основном производстве, в науке и научном обеспечении, в том числе и в спецслужбах. Элита физиков — специалисты первого призыва, создававшие первые изделия, приехавшие на место, где, кроме руин монастыря и лагеря, ничего не было; а также их потомки с нужным образованием. Эта группа постоянно пополнялась лучшими специалистами (выпускниками физтехов). Это и есть элита, то есть собрание лучших. В Арзамасе-16 работало около половины членов и членкоров АН СССР, сталинско-государственно-ленинских лауреатов, ученых-героев; на стене музея ядерного оружия в три яруса висят портреты героев сообразно рангу». [18].

няется труд «гастарбайтеров», продолжает эту прежнюю культурную традицию Обнинска.

Результаты идущей трансформации города пока неясны. Наиболее вероятными представляются два варианта: (1) превращение Обнинска в обычный торгово-промышленный, «рабочий» город, укрепление позиций локалистов и значения местных коммуникаций, строительство церквей и мечетей, формирование, наряду с прежними учёными и подводниками, новых городских символов, связанных, например, с традиционно сильной в Калужской области православной церковью (включая старообрядцев из Боровска), (2) дальнейшее усиление доминирования космополитов, превращение города в промышленную площадку Москвы и Калуги, селитебной зоны – в спальные районы при промышленной зоне, полное разрушение местных мифов, а заодно и особой группы людей, которые в настоящее время называют себя обнинцами. Конечно, последнее означает, что исчезает особый способ формирования коммуникаций, характерный именно для Обнинска, сам же город, как место жительства людей, будет продолжать существовать (собственно, подобное уже произошло с подмосковными Красногорском, Троицком, Люберцами и т.д.).

Дух места является, в первую очередь, культурным феноменом, однако его фиксация через совокупность географического, исторического и экономического мифов позволяет исследователю уловить влияние нематериальных факторов на будущее города. Конечно, с помощью анализа мифов нельзя получить сколько-нибудь точные количественные прогнозы, однако такой анализ позволяет увидеть основные контуры наиболее вероятного сценария эволюции города. Если какого-то субъекта не устраивает этот сценарий, становится возможной проведение социально-культурной *политики*, позволяющей изменить будущее. Однако вопрос, насколько способны местные элиты различать мифы и реальность и сознательно формировать новые позитивные символы, побуждающие к необходимым социальным действиям по оздоровлению города, остаётся открытым. Более того, учитывая, что миф представляет собой отражение «коллективного бессознательного», на этот вопрос следует дать только отрицательный ответ.

Литература

1. Форрестер Дж. (1974) Динамика развития города. – М.: Прогресс.
2. Маергойз И.М. (1986) Территориальная структура хозяйства. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд.
3. Глазьев С.Ю. (1993) Теория долгосрочного технико-экономического развития. – М.: ВладДар.

4. Каганский В.Л. (1998) Центр - провинция - периферия - граница. Основные зоны культурного ландшафта // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования. Москва-Смоленск: Изд-во СГУ.
5. Каганский В.Л. (2001) Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение.
6. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ. 2006.
7. Портер М. (1993) Международная конкуренция. – М.: Международные отношения.
8. Сен А. (2012) Возможности и благосостояние. В кн. Философия экономики. Антология. / Под ред. Д. Хаусмана. – М.: Изд. Института Гайдара.
9. Бурдые П. (1993) Социальное пространство. В кн. Бурдые П. Социология политики. – М.: Socio-Logos.
10. Кастельс М. (2000) Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ.
11. Сассен С. (2007) Глобальный город: введение понятия. В кн.: Глобальный город: теория и реальность / Под ред. Н.А. Слуки. – М.:, Аванглион.
12. Ореховский П.А. (2008) Омск глазами инженера: история о контроле качества // Отечественные записки №3 (42).
13. Ореховский П.А., Плаксина В.В., Хейфец П.Б., Хохлова О.М. (1998) Анализ долгосрочных тенденций социально-экономического развития города Омска. Отчет Информационно-аналитического управления Администрации города Омска. // <http://lab.obninsk.ru/public/articles.php@htmlfile=omsk-rep-01.htm>.
14. Ореховский П.А. (2008) Устройство провинциальной литературы: взгляд изнутри. (Интервью с омским писателем А.Э. Лейфером). // <http://lab.obninsk.ru/public/articles.php@htmlfile=leyfer.htm>.
15. Ореховский П.А. (2004) Бюджетное выравнивание и социально-экономическое развитие муниципалитетов Алтайского края // Муниципальная экономика, №3.
16. Ореховский П.А. (2009) Наукограды – города будущего или гетто для избранных? // <http://lab.obninsk.ru/public/articles.php@htmlfile=orekhovsky-24.htm>.
17. Достоевский Ф.М. Из письма брату Михаилу, 1854 г. Любопытно, что эта цитата приводится и в официальном описании Омска в Википедии. // http://ru.wikipedia.org/wiki/%CE%EC%F1%EA#cite_note-15.
18. Каганский В.Л. (1999) На чем Москва стоит. Особая точка. // <http://magazines.russ.ru/nz/1999/5/kagan.html>.